

УЧЕНИЦА БАБЫ ЯГИ

или
(не) подарок для Кощея

Рина Касс

18+

Рина Касс

Ученица Бабы-Яги или (Не) подарок для кощея

<https://litres.ru/74545639>

SelfPub; 2026

Аннотация

Раньше папоротники что желания исполняли росли глубоко в лесу, водяной со своими невестами утопленницами делил пруды да озера, змей горыныч, древний и могучий поселения сжигал да невест похищал для хозяина своего. И богатыри были, с силушкой такой же богатырской, истинные герои, да с нечистью всякой сражались и люд простой да оберегали.

Только нечисть эту не видел уже никто как столетия, а богатыри если с кем и сражались так на войнах вполне обычных, земных. И жизнь у нас вполне себе простая, ничего сказочного и волшебного. Вот и у меня жизнь вполне себе хорошо шла, пока не объявил мне царь батюшка что всё дочурка, замуж тебе пора, вон и Иван царевич не пойми откуда взялся и руки моей как просит, любовь, не меньше. Да только вот у меня другие планы были, я в богатыри податься хотела, сражения вести, земли и народ защищать. Нельзя мне замуж батюшка, нельзя!

Ещё и лес дремучий разрастаться стал, и нянька моя уже в возрасте женщина говорит мне что сам Кощей себе невесту найти решил.

Содержание

Глава 1 — Предисловие	5
Глава 2 — Четырнадцать лет спустя	15
Глава 3 — От женихов одни проблемы	31
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Рина Касс

Ученица Бабы-Яги или (Не) подарок для кощея

Глава 1 — Предисловие

— Их глаза видят зорко, пронзают насквозь, будто самую душу силятся отобрать... — голос женщины опустился до едва различимого шёпота, отчего пламя свечей в комнате, казалось, испуганно дрогнуло. — Опасны ли они? Кто ведает. С ними сталкивались лишь наши отважные богатыри, что всегда возвращаются с победой, да только никогда не говорят о том, что видели в тех проклятых землях. Да ещё девицы молодые, которых Змей Горыныч похищает для своего тёмного властелина. Но те несчастные не возвращались никогда, оттого и спросить не у кого...

Царица Злата, всё ещё ослепительно прекрасная, несмотря на болезненную бледность, сидела на краю широкого резного ложа. У её ног, на пушистом меховом ковре, затаив дыхание, устроились три её дочери. Их круглые пуговки-глаза блестели в полумраке опочивальни, ловя каждое слово ма-

тери.

— Матушка, а зачем Горыныч похищал девушек? — подала голос средняя, Мила, зябко потирая плечи. — Что с ними делал этот тёмный властелин?

— Мила, ей-богу, какое тебе дело? — старшая дочь, Таня, важно сложила руки на груди и совсем уж по-царски вздёрнула аккуратный подбородок. — И так по ночам спишь плохо, просыпаешься да кричишь как окаянная, а всё туда же — страшные сказки ей подавай.

Тане едва исполнилось двенадцать годков, но вела она себя так, будто на её плечах уже лежала судьба всего государства. Она обожала учиться грамоте и часами сидела над свитками, пока её младших сестёр можно было заставить взяться за ум разве что угрозой отцовской плетки.

Им бы только резвиться, в догонялки играть да балду гонять во дворе.

— Танька! Не было такого, не ври! — вспыхнула Мила, сердито надув губы.

— А вот и не вру!

— Врёшь же!

— Вот глупая, ведёшь себя как маленькая!

— Сама такая!

— Достаточно, девочки.

Громкий, густой мужской голос мгновенно заставил замолчать обеих царевен. Дверь опочивальни отворилась, и в комнату вошел их отец — царь-батюшка.

Выглядел он изнурённым. Государственные дела и заботы о подданных забирали у него почти все силы, но для своих маленьких красавиц он неизменно находил время. Царь неторопливо прошёл мимо девочек, ласково погладил каждую по голове и, опустившись на край постели рядом с женой, нежно поцеловал её в лоб.

Но стоило его губам коснуться её кожи, как густые брови государя сошлись на переносице, а губы вытянулись в тонкую, тревожную нить.

— Злата, ты снова горишь, — выдохнул царь, бережно заправляя за ухо выбившийся из причёски золотистый локон жены. Он испуганно взгляделся в её осунувшееся лицо. —

Ты же обещала мне: если почувствуешь себя худо, сразу пошлѐшь за лекарем и позовѐшь меня.

— Дорогой, я в порядке... просто немного устала за день... — тихо ответила царица.

Но едва эти слова сорвались с её губ, силы будто окончательно покинули женщину. Она обмякла и обессиленно упала на широкое плечо мужа, тяжело и прерывисто задышав.

— Мама! — испуганно пискнула Мила.

— Так, девочки, живо по комнатам! — скомандовал царь, и в его голосе больше не было прежней мягкости — только глухой, давящий страх.

Малышки вскочили с ковра, порываясь подбежать к матери, которая уже балансировала на грани беспамятства.

— Папа, что с мамой?! Она умирает?!

— По комнатам, я сказал! Надя! Забери девочек, немедленно!

В ту же секунду в опочивальню вихрем влетела нянька — женщина средних лет, тётя Надя. Она рысью метнулась

к перепуганным, замершим как вкопанные сёстрам. Крепко схватив под руки среднюю и младшую, она с нажимом подтолкнула к дверям старшую, Таню.

Уходя, царевны то и дело оборачивались. Их матушка зашла в глухом, нездоровом кашле, который эхом разносился по каменным сводам коридора.

Такое случалось уже не вперёд. Девочки всё чаще замечали странное: вот мама сидит с ними, смеётся, выглядит цветущей и здоровой, а через минуту бледнеет и падает без сил. И каждый раз в этот момент являлся кто-то из взрослых и уводил их прочь.

Эта таинственная хворь подкосила царицу не так давно. Прежде матушка была прекрасна и крепка, словно цветущее поле, и никогда не знала недугов. Но за последний год что-то надломилось... Среди простого люда в царстве уже всюду ползли зловещие слухи: поговаривали, будто на царевну навели страшную порчу, прокляли её или сотворили что похуже. Никто не знал правды, но шептались на каждом углу.

Надежда завела притихших сестёр в их девичью светлицу.

— Всё, девочки, довольно на сегодня. Переодеваемся — и по кроватям. Давайте, давайте, поживее.

Царевны растерянно переглянулись. Сон не шёл к ним, сердца колотились от пережитого испуга, но перечить няньке никто не посмел. Они нехотя разбрелись по своим постелям. Достали из-под пышных подушек длинные ночные сорочки и, вяло переодевшись, забрались под тёплые одеяла.

Тётя Надя принялась тушить свечи, оставляя гореть лишь парочку у самого входа, чтобы комната не погрузилась в крошечную тьму.

— Тётя Надя... а что с матушкой? — первой не выдержала Мила, натягивая одеяло до самого носа.

— Ничего, золотце, не бери в голову, — ласково отозвалась нянька, поправляя шторы. — Устала царица, весь день на ногах, вот хвороба и привязалась. Всё обойдётся.

— А почему батюшка выгнал нас? — Таня обиженно надула губы и плотнее скрестила руки на груди. — Мы же просто сидели рядом.

— Ну что ты, глупенькая, разве ж это «выгнал»? — всплеснула руками Надежда. — Вовсе нет. Вам троим давно спать пора, а матушке вашей покой нужен. Тишина да покой, понимаешь?

— Значит, батюшка на нас не злится? — тихо спросила самая младшая, Заряна.

— О Великий Перун, да с чего бы ему злиться-то, ей-богу? — няня подошла к кроватям и ласково улыбнулась. — Как же ваш отец на вас сердчать может? Вы же у него самые любимые, самые золотые... ну и самые балованные, чего уж грех таить. Засыпайте давайте.

Надежда ещё раз обошла светлицу, проверяя, плотно ли прикрыты ставни.

— Ну всё, пора и честь знать. Пусть каждой приснится добрый и светлый сон.

Женщина подошла к каждой из девочек, бережно погладила по головам, поцеловала в лоб и прошептала слова ночного благословения. Надя была для них почти как вторая мать — они помнили её тёплые руки с самого младенчества. Окинув комнату последним заботливым взглядом, она тихонько притворила за собой дверь.

Царевны лежали неподвижно, прислушиваясь к её удаляющимся шагам, пока те окончательно не растаяли в тишине замка. Одинокие язычки пламени оставшихся свечей пусти-

лись в пляс, рисуя на бревенчатых стенах причудливые, пугающие тени.

— Таня, Мила... — едва слышно позвала сестёр Заряна.
— А нечисть... она правда существует?

— Не носи пурги, Зарянка — моментально отозвалась Таня своим самым всезнающим тоном. — Конечно нет. Это всё сказки для несмышлёнышей вроде тебя. Взрослые их нарочно выдумывают, чтобы мы без спросу в дремучую чашу не бегали. Нет там никакой нечисти. Зато волков да медведей полно — они-то и опасны.

— А я вот даже не знаю... — протянула Мила. Она была всего на два года младше Тани, но верила в чудеса и предания всем сердцем. — А вдруг матушка правду говорила? Вдруг они вернулись?

— Да глупости это всё, я сказала! Кому говорят — чушь собачья, а вы уши развесили, — отрезала Таня, поворачиваясь на бок и демонстративно закрывая глаза.

Пока старшие сёстры продолжали вполголоса препираться, маленькая Заря глубоко погрузилась в собственные мысли. Своим чистым детским сердцем она верила каждому слову матери. И особенно сильно она верила в то, что в глубине

векового, подступающего к самому граду леса действительно затаилось древнее зло.

Она верила, что там бродит сердитый Леший — полноправный хозяин чащобы; что в чёрных омутх стережёт случайных путников Водяной со своими бледными невестами-утопленницами; что в избушке на курьих ножках живёт могущественная ведьма Баба-яга...

И, конечно, *Кощей*.

Царь того, подземного и запретного мира. Владыка всей нечисти. Самый могущественный, бессмертный колдун, перед которым трепещет всё живое и мертвое. Ясина всё никак не могла взять в толк: зачем Змей Горыныч похищает для него молодых, незамужних девиц? Что он с ними делает? Приносит в жертву чёрным богам? Или... неужели он ими питается?! А может, держит в вечном заточении в своих мрачных костяных чертогах? От этих мыслей по спине девочки пробежал леденящий холл.

Ясина уже почти провалилась в тяжёлую, тревожную полудрёму, как вдруг за дверью раздались шаги. Они не были похожи на лёгкую походку няни Надежды. Это были тяжёлые, шаркающие, страшные шаги.

Таня и Мила разом подорвались на своих постелях, а маленькая Ясина сонно приподнялась на локтях, вглядываясь в темноту.

Дверь со скрипом отворилась. На пороге стоял царь.

Его голова была бессильно опущена, могучие плечи то и дело мелко вздрагивали, а ноги словно едва держали его. Он медленно поднял глаза на дочерей — и в тусклом свете свечи девочки увидели, как по его бороде катится блестящая слеза.

Воздух в светлице вмиг стал густым и холодным. Страшное, непоправимое предчувствие сковало грудь каждой из трёх царевен.

— Девочки... — голос царя сорвался на глухой хрип. — Доченьки мои... Ваша мама...

Продолжение следует...

Глава 2 — Четырнадцать лет спустя

Четырнадцать лет - срок немалый. За это время успевают вырасти деревья, перемениться законы, а маленькие испуганные девочки превращаются в дев, способных постоять за себя и за свое царство.

- Руку держи выше, Заря! Так удар точнее выйдет, - зычный, раскатистый голос нашего главного воеводы разнесся над вытоптанным полем, спугнув стайку зазевавшихся ворон. - Выше, говорю! Да за рукоять покрепче держись. В настоящей сече супостат враз тебе оружие из рук выбьет с такой-то хваткой. Ты держишь меч так, будто это половник, которым ты кашу мешаешь!

Микула Иваныч, один из лучших и славнейших богатырей земли нашей, возвышался передо мной подобно вековому дубу. На учение к нему я напросилась, когда мне было от силы лет десять. Помню, как сейчас: девчонка с разбитыми

коленками и упрямым взглядом встала посреди оружейного двора и заявила, что будет воином.

Отказывался он долго, истово, крестился и плевал через левое плечо. Да и батюшка, царь наш, знамо дело, был настроен грозно. Где это видано? Царевна, младшая дочурка, нежная и хрупкая девица, и вдруг - к ратному делу приохотилась! Оружие в руках держать захотела, доспех примерить решила. А главное - вознамерилась стать богатыршей. В наших краях девки испокон веков пряжу пряли да суженых у окошка ждали, а не мечами махали, траву кровавую кося.

Долго меня Микула Иваныч гонял, ох, долго. Пытался извести, дух мой упрямый сломить. Он ведь богатырь почетный, начальник над всей царской дружиной, за плечами которого десятки славных походов и побед великих. Царю нашему он преданнее пса верного, самый приближенный к трону человек. Ему уже тогда к пятидесяти подбиралось, а уж нынче и шестидесятый год пошел, да только по нему этого ни в жизнь не скажешь. Бывало, выйдет на поле, разгуляется - и всю нашу молодую дружину, парней крепких, кровь с молоком, одним махом на лопатки уложит, так что и моргнуть не успеешь. Авторитет у него среди люда был непререкаемый. И вот такой муж, гроза врагов, должен был тратить время на капризную, как ему казалось, царскую дочку. Обучал-то он в основном мальчишек - от мала до велика, растил

новую смену. А меня и на порог пускать не желал.

Но я ведь не зря зовусь Заряной. Характер у меня - что кремень: чем сильнее бьешь, тем больше искр.

Поначалу я просто тайком прибегала к оружейному двору. Пряталась за высокими деревянными плетнями, укутавшись в широкий плащ, и во все глаза подсматривала за тем, как свистят мечи, как тяжело ухают палицы и как пахнет разогретым железом и конским потом. Микула Иваныч, правда, замечал меня мгновенно. У него ведь глаз - как у сокола.

- Так, царевна! - гремел он на весь плац, отчего тренирующиеся отроки разом замирали. - А ну-ка, что мы там прячемся, как мышь в крупе? Живо марш на свои девичьи занятия! - Да как притопнет еще своим огромным кованым сапогом, аж земля под ногами подпрыгивала. - А ежели сама не пойдешь, я тебя лично за шкурку к нянькам унесу, поняла меня?

Понимала. И ведь действительно пару раз относил, как котенка неразумного, под дружный хохот молодых дружинников. Стыдно было - до слез, до пылающих щек. Делать было нечего, приходилось лишь грустно кивать, глотать обиду и плестись то на уроки вышивания, где я вечно колола пальцы

и путала шелковые нити, то на изучение чужеземных языков. Батюшка всегда находил, чем занять наши девичьи головы, да только мне вся эта наука была совершенно не по душе. Мое сердце пело лишь тогда, когда я слышала звон стали.

И я не сдалась. Приходила на следующий день. И через день. И через неделю. Приходила до тех пор, пока старому богатырю это окончательно не осточертело, и он не понял, что вытравить из меня это упрямство можно разве что вместе с душой.

- Царевна, опять ты, - встречал он меня уже не с яростью, а с каким-то обреченным смирением, тяжело вздыхая в свои густые седые усы. - Ну сиди, сиди уже на бревне, коли делать нечего. Только под ногами не путайся, не отвлекай никого и, упаси Перун, не пугайся, если кровь увидишь.

Так тянулся день за днем. Я сидела, запоминала обманные движения, правильные стойки, перехваты. А однажды, когда все разошлись, подошла к нему тихонько, дернула за край тяжелого кожаного доспеха и спросила:

- Дядя Микула, а можно мне меч подержать? Настоящий.

Богатырь посмотрел на меня сверху вниз с прищуром, долго молчал, оглаживая бороду и что-то взвешивая в уме.

- Ну на уж, поддержи, коли так завидки берут, - проворчал он, протягивая мне свой тренировочный клинок. - Аккуратно только, ноги не отруби себе, девка.

С этими словами первый раз в жизни в мои ладони легло настоящее оружие. Ох, как же я тогда едва не опозорилась! Оружие оказалось невероятно, чудовищно тяжелым. На вид-то оно казалось легким, словно перышко, - ведь парни на тренировках махали им так изящно и просто, будто это были ивовые прутьи. Мои руки дрогнули, потянули меня вниз, но я зубы сжала так, что хрустнуло, и удержала-таки рукоять.

- Ну как, царевна? - ухмыльнулся в бороду Микула Иванович, заметив мою натугу. - Тяжел камень?

- И вовсе нет, - легко соврала я, хотя у самой предплечья свело судорогой, а дыхание перехватило.

Ничего, думала я тогда, пускай сейчас тяжело. Вот как начну тренироваться, руки окрепнут, и я стану сильнее любого отрока в этой крепости. И ведь начала. Батюшка, видя мою неистовую одержимость, в конце концов лишь рукой махнул.

- Добилась-таки своего, егоза, - ворчал он, когда все же дал

официальное добро на мои занятия с воеводой. - Вся в мать... Такая же упрямая, если что в голову вдолбит - не выбьешь.

С тех пор пролетело десять лет упорного, кровавого труда. Изнурительные тренировки на рассвете, мозоли, содранная кожа, ушибы и вечная ломота в мышцах стали моими верными спутниками. Но вернемся-ка в настоящее время, не гоже в прошлом долго бродить - старики говорят, воспоминания душу высушивают, а нам силы нужны.

- Вот! Ну так-то лучше! - одобрительно хмыкнул Микула Иванныч, прерывая мои мысли. - Хороший удар, постановка ног правильная, хватка жесткая. А до этого ты чего в облаках витала? Кого ловила? Воронежского князя в гости ждешь, что ли? Что случилось-то, Заря?

Говоря со мной, воевода ни на секунду не останавливался. Он наносил мне молниеносные, четкие, отточенные веками удары, заставляя меня крутиться волчком и задействовать все свое внимание.

- Да так... - я быстро вытерла тыльной стороной руки капли пота, заливавшие глаза, и сделала обманный финт, уходя от очередной атаки. - День сегодня просто... особенный. Тяжелый какой-то.

- Отчего ж он у тебя тяжелый? Просто так даже прыщ на носу не вскочит, - пробасил учитель.

Удар, звон стали, скрежет металла о металл, глухой стук шагов по сухой траве.

Кроме нас в этом чистом поле, раскинувшемся далеко за пределами городских стен, никого не было. Лишь кузнечики трещали в высокой траве да коршун кружил высоко в пронзительно-синем небе, высматривая добычу. Со стороны наша пара, должно быть, выглядела чудно. С одной стороны - я, молодая, гибкая девушка, облаченная в подогнанную по фигуре легкую кольчугу, с раскрасневшимся лицом и растрепавшимися золотистыми волосами, в руках которой хищно поблескивал изящный, выкованный специально для меня меч. С другой - истинный великан, могучий богатырь, закованный в пугающую тяжелую броню, покрытую шрамами былых сражений, и вооруженный внушительным двуручником, которым обычный человек и от земли бы не оторвал.

Несмотря на то, что я двигалась быстро, словно степной ветер, а мои выпады были точными и жалящими, богатырь без особого труда отражал каждую атаку. Его защита была монолитной, как каменная стена. Но и удары его, даже тренировочные, оставались мощными, сокрушительными - пропусти я хоть один такой в полную силу, костей бы потом не

собрала.

Внезапно мужчина ловко, с неожиданной для его габаритов резвостью занес руку вверх для размашистого, рубящего удара сверху. Воздух свистнул. Любой другой замер бы от страха, но мои рефлексy сработали быстрее мыслей. Я резко ушла влево, пригнувшись к самой земле, и пропустила тяжелое лезвие буквально в паре вершков от своего плеча.

Почувствовав, что противник на долю секунды потерял равновесие из-за инерции собственного удара, я сделала молниеносный, яростный выпад вперед. Мой изящный клинок со свистом скользнул в узкую щель между наплечником и нагрудником богатыря. Будь бой настоящим - там бы брызнула кровь.

Микула Иваныч пошатнулся, удивленно крикнул, но устоял на ногах. Однако я не собиралась дарить ему время на передышку. Воспользовавшись его секундным замешательством, я провернулась на пятках, нанесла хлесткий, короткий удар снизу вверх по эфесу его оружия, вложив в это движение весь свой вес.

Раздался оглушительный металлический звон. Тяжелый двуручный меч вырвался из огромных ладоней воеводы и, описав дугу, с глухим стуком вонзился в землю в нескольких

шагах от нас.

Я замерла, тяжело дыша, направив острие своего меча в грудь учителя. Сердце в груди колотилось как сумасшедшее, а на губах сама собой расплылась торжествующая улыбка.

- Недурно, девка, совсем недурно! - Микула Иваныч опустил руки, на его суровом лице проступила искренняя, гордая усмешка. Он подошел, легко выдернул свой меч из земли и с размаху похлопал меня массивной, тяжелой ладонью по плечу, чуть не вгнав меня по колено в землю. - Вот это уже дело. Растешь, Заря. Зубы у тебя прорезались, волчонок. А теперь шабаш на сегодня. Пойдем-ка назад в крепость. Вечереет уже, тени длинными становятся.

Мы молча и привычно собрали тренировочное снаряжение, сняли утяжелители и защитную броню. Сложив все это добро в кожаные мешки, мы закинули их за спины и неторопливым шагом отправились в сторону родного города.

Дорога наша пролежала через бескрайнее ржаное поле, которое с одной стороны упиралось в стену глухого, пугающего леса. У этого места никогда не было своего красивого, сказочного названия. Все в наших краях - от малых детей до умудренных сединами старцев - звали его просто и емко: Тёмный лес.

Даже сейчас, под ласковыми лучами заходящего солнца, он казался зловещим черным пятном на теле земли. Вековые ели и перекрученные дубы стояли там так плотно друг к другу, что их кроны образовывали непроницаемый навес. Там всегда царил полумрак, пахло гнилью, сыростью и старой магией. Именно там, если верить слухам, шепоткам и старым преданиям, водилась вся уцелевшая нечисть. И именно там, в самой глубине, куда не проникал ни один лучик света, высились костяные чертоги тёмного повелителя, имя которого лишний раз боялись произносить вслух - Кощея Бессмертного.

Подходить к границе этого леса, а уж тем более заходить под его сень, нам всем было строго-настрого запрещено царским указом. Люди пропадали там регулярно: пойдет дурак за грибами, сделает лишний шаг за черту - и поминай как звали. Ни косточек потом не найдут, ни одежды. Лес просто заглатывал их, не давясь.

Я шла, невольно косясь на переплетенные, словно узловатые пальцы мертвеца, ветви деревьев. На душе скребли кошки. Мне вспомнились странные сны, что мучили меня последние несколько недель, и тревожные предчувствия, от которых никак не удавалось избавиться.

- Микула Иваныч... - тихо, стараясь, чтобы голос не дрожал, позвала я богатыря.

Мужчина повернул ко мне свою крупную голову, посмотрел на меня сверху вниз из-под густых, кустистых бровей и вопросительно приподнял одну из них.

- Чего тебе, Зарянка? Затосковала о чем-то?

- А вы... вы когда-нибудь заглядывали туда? Ну, в Тёмный лес? Хоть одним глазком, хоть на полшага ради интереса? Вы ведь великий воин, вам ли бояться старых деревьев?

Богатырь резко остановился, словно наткнулся на невидимую преграду. На его лице вмиг угасла вся бывшая добродушная веселость. Где-то с минуту он просто стоял посреди дороги, недвижимый, как каменный идол, и строго, пронзительно осматривал меня, словно пытался разглядеть, не поселилось ли в моей голове безумие. Атмосфера вокруг нас мгновенно сгустилась.

- Нет, Заряна. Никогда, - ответил он, и голос его прозвучал на удивление тихо, глухо, со скрытым металлическим скрежетом. - И тебе не советую об этом даже думать. Никто никогда в здравом уме туда не ходил, не ходит и ходить не станет. Это проклятое место, оставленное богами. И ты от него

держишь как можно дальше, усекла? Не ищи погибели там, где ее искать не надо.

Он выглядел чрезвычайно, пугающе серьезным. В его глазах на мгновение промелькнула не то тень старого, глубоко запрятанного страха, не то глухая, застарелая боль. Я знала воеводу слишком долго и понимала его с полуслова. Спорить с ним сейчас, а уж тем более перечить или расспрашивать дальше, точно не стоило - чревато было тем, что я вообще больше оружия в руки не получу.

- Да, Микула Иваныч, я поняла, - послушно кивнула я, опустив глаза.

Мы возобновили шаг и вскоре подошли к массивным, окованным железом дубовым воротам нашего белокаменного города. Около них, опершись на длинные копья, несли дозор стражники - совсем молодые парнишки, из тех самых учеников Микулы Иваныча, которых он гонял еще пару лет назад.

- Здравия желаем, царица Заряна! Здравствуйте, Микула Иваныч! - весело, во все тридцать два зуба закричал улыбающийся парень с забавной россыпью веснушек на носу - Богдан. - Ну как потренировались? Одолела вас сегодня наша Заря-заряница?

- Нос не в свое дело не суй, Богдан! - грозно пробасил ему в ответ воевода, хмурясь для виду. - На пост смотри, ворон не считай, а то супостат придет - ты ему тоже улыбаться будешь? Своей службой занимайся, балабол!

Эх... Микула Иваныч на самом деле был очень добрым человеком. Правда-правда, под этой суровой личиной скрывалось золотое, чуткое сердце. Он парней этих как сыновей родных любил, потому и драл с них три шкуры, чтоб в настоящем бою живы остались. Строгий просто, старой закалки мужчина.

Мы прошли мимо ворот. Богдан сразу как-то поувыл, выпрямился в струнку, а его напарник, Любим, тихонько приснул в кулак, потешаясь над товарищем.

И тут же в уши нам ударил оглушительный, веселый, хмельной шум живого, празднующего города. Сегодня ведь был не просто день. Сегодня был мой самый любимый, самый волшебный праздник в году - день летнего солнцестояния. Или, как звал его простой люд, праздник Ивана Купалы!

Весь город бурлил, словно потревоженный улей. Обычно все самое интересное и таинственное в этот праздник происходит ночью - она буквально до краев заполнена древними

обрядами, песнями и магией. Уже сейчас, ближе к закату, на окрестных холмах и у берегов тихой реки вовсю разжигались огромные, до неба, костры. Мужики и парни тащили сухой хворост, старые дегтярные бочки. По традиции, огонь для этих костров полагалось добывать древним, чистым способом - трением дерева о дерево, «живым огнем», чтобы очистить землю от скопившейся за зиму скверны.

Моим самым любимым зрелищем всегда были прыжки через эти костры. Парни и девки, взявшись за руки, взлетали над бушующим пламенем под чарующие, дикие мелодии гуслей и дудок. Музыка с каждым часом, с каждым новым прыжком становилась все быстрее, неистовее, кружила головы, заставляя кровь быстрее бежать по жилам.

А еще ночью должны были начаться гадания. Самые настоящие, девичьи. В основном, конечно, гадали молодые дурехи на суженого-ряженого. Плели венки из двенадцати трав, пускали их по воде при свете луны: куда поплывет венок - оттуда и жениха ждать, а если утонет - то сидеть девке в девках еще год. Чем еще, спрашивается, кроме этой чепухи, их глупые головы могут быть забиты? О замужестве только и мечтают!

Ой, чуть не забыла! Еще ведь в эту единственную ночь в году положено искать в лесной чаще волшебный цветок па-

поротника, что распускается ровно на один миг огненным цветом и дарует нашедшему знание всех тайн, кладов и понимание языка зверей. Да только в наших краях этого отродясь никто не делал.

Почему именно в наших? Да потому что наше царство - единственное, что граничит с тем самым проклятым Тёмным лесом, где вся нечисть окопалась. Рисковать жизнью ради призрачного цветка дураков не находилось. Хотя, если послушать рассказы старых бабок, раньше на земле все было иначе. Не было такого, чтобы вся нечистая сила ютилась в одном-единственном лесу. Раньше они везде были: Лешие в каждой роще безобразничали, Водяные в любой речушке омуты крутили, русалки на ветвях качались по всей Руси. А сейчас - только у нас, за нашей чертой.

Вообще, среди стариков ходит одна очень старая, мрачная легенда, которая и объясняет столь страшную историческую несправедливость. В общем, когда-то давно, когда люди начали забывать старых богов и строить большие города, светлые князья и богатыри упрятали всю нечисть, согнали ее великим заклятием со всех концов земли в этот один тупиковый угол, запечатав границы. И правил ими всеми...

- Заряна! - этот звонкий, до боли знакомый голос, прозвучавший из толпы, заставил меня резко оборвать свои мысли

и вздрогнуть.

Ой... Ну вот, на самом интересном месте.

Продолжение следует...

Глава 3 — От женихов одни проблемы

— Заряна! — этот звонкий, до боли знакомый голос, прозвучавший из праздничной толпы, заставил меня резко обрвать свои мысли и вздрогнуть.

Ой... Ну вот, на самом интересном месте.

Ко мне, высоко подбирая полы нарядного сарафана и едва не сбивая с ног лотошников с пирогами, во весь дух мчалась моя бывшая нянечка — тётя Надя. Ну, как бывшая... Просто мы с сёстрами давно выросли из колыбелей, раздались в плечах, и ходить за нами хвостиком, утирая носы, уже не требовалось. Хотя сама Надежда Васильевна, судя по её грозному виду, считала совершенно иначе.

— Заряна! Ну что за негодница, что за девка окаянная! — запричитала она, подлетая ко мне. Лицо её покраснелось от быстрого бега, на лбу выступили капельки пота, а узорчатый платок съехал набок. Она мертвой хваткой вцепилась в мои плечи, затянутые в жесткие кольца кольчуги, и едва ощути-мо, но очень сердито встряхнула. — Я весь град уже обошла,

все ноги до мозолей стёрла, наорудовала расспросами у всех кузнецов да конюхов! А тебя как не было, так и нет! Где тебя лешие носят?!

— Тётя Надя, да мы только с тренировки... — попыталась было вставить я слово, но куда там! Надежду Васильевну если несло, то остановить её могла разве что каменная стена.

— Дома царь-батюшка уж совсем злой ходит, рвёт и мечет, усы от ярости кусает! Иван-царевич приехал-то давно! Гость знатный, долгожданный, у ворот его с хлебом-солью встретили, приём по высшему разряду оказали, в палатах столы от яств ломаются, пиры полным ходом идут! Одной тебя, чучело ты болотное, во всем городе нет! Все сестры как сестры — наряженные, причесанные, а ты? В железо закованная, пылищей присыпанная, пахнешь как конюх после сенокоса!

Надежда Васильевна совсем уж в панику впала, из глаз чуть искры не сыпались. Ну да, если посмотреть на ситуацию со стороны, то выглядело всё это с моей стороны действительно... не очень красиво. Даже спорить не буду. Царская дочь обязана сидеть в светлице, пахнуть лавандой и улыбаться гостям. Но если учесть тот неоспоримый факт, что меня за этого самого Ивана — за этого царевича недоделанного, рафинированного — замуж выдать хотят? Да без моего на

то согласия и воли? Тут уж извините, у меня включается чистокровное богатырское упрямство. Пусть сидит и ждет, не рассыплется его царское величество.

— Надька, чего раскричалась-то на всю улицу, как торговка на базаре? — мне на спасение, слава богам, пришел Микула Иваныч. Он хоть меня сам порой за промахи на плацу гонял так, что искры из глаз летели, а вот чужакам — даже любимой няньке — меня в обиду никогда не давал. Богатырь шагнул вперед, заслонив меня своей могучей спиной от праведного гнева Надежды. — Неужто царевич уже тут? Разве ж он не в первую седмицу следующего месяца пожаловать должен был? Мы так с государем улаживались.

Надя замерла, набрала в грудь побольше воздуха, уперла руки в бока и посмотрела на воеводу так, словно перед ней стоял не прославленный воин, а неразумный младенец.

— Богатырская твоя башка, Микула! Половина извилины — и та от шлема круглая! — рывкнула она, аж стражники у ворот вытянулись по стойке «смирно». — А сегодня, потвоему, что за день?! Сегодня и есть первый день той самой седмицы! Календарь-то в вашей оружейке хоть иногда переворачивают, или вы по солнцу да по мху на деревьях время считаете?!

Микула Иваныч на секунду завис. Его густые седые брови поползли вверх, он безмолвно пошевелил губами, что-то подсчитывая в уме, а потом виновато крякнул и почесал затылок под тяжелым шлемом. Понял-таки, что и впрямь просчитался со своими бесконечными смотрами да учениями.

Я посмотрела на своего учителя со всей надеждой и мольбой, на какую только была способна. Мои глаза буквально кричали: «Спаси! Уведи обратно в поле! Спрячь в стоге сена!». Ведь Микула Иваныч, как никто другой в этом царстве, был прекрасно осведомлен о моих отношениях с заезжим гостем... Точнее, о моих вот совершенно полных НЕотношениях с этим самым хваленым Иваном-царевичем.

А ведь поначалу-то он казался вполне себе хорошим пареньком. Батюшка еще года три назад начал заводить эти нудные разговоры о том, что наши пограничные царства обязаны объединиться перед лицом возможной угрозы. А как в наших землях испокон веков союзы крепко-накрепко скрепляли? Правильно, через брак. Кровь с кровью мешали, земли к землям приращивали.

Иван к нам первый раз два года назад приехал, с официальным, так сказать, визитом знакомства. Молодой был, видный, статный — ну прямо вылитый герой со страниц бабушкиных сказок, аж приторно. Светлые кудрявые локоны, чи-

стый шелк, густые да ухоженные, порой так картинно спадали на его белое, холеное, без единого изъяла лицо. Серые глаза, подернутые легкой дымкой, прямо-таки излучали на публику вселенское добро, заботу и благородство.

Красивый был Ваня, тут не придерешься, чеканный мальчик. У нас в девичьей слободе девок столько за ним бегало — мама родная, тьма тьмущая! Каждая норовила то платочек перед его конем выронить, то пирогом собственного печения угостить. Но приперся Ваня со своими ухаживаниями именно к нам в терем.

И ведь что самое обидное — полюбился-то этот Ваня изначально нашей Таньке! Старшей сестре моей, умнице и сучарю, которая кроме свитков и государственных законов вообще мужчин не замечала. До сих пор помню это ее глупое, абсолютно нетипичное влюбленное состояние, когда Иван впервые ступил на порог нашей горницы. Как увидела его — так прямо растерялась, дар речи потеряла. Я ее за все двенадцать лет нашей совместной жизни такой беспомощной ни разу не видела! Танька — и вдруг покраснела густо, до самых ушей, пальцы в складках юбки запутала и заулыбалась так глупо, блаженно, как умалишенная какая-то.

А Иван... Господи, да у этого царевича чувство юмора отсутствовало от слова «совсем»! Ну вот не одарил его Бог при

рождении этой милостью. Шутки у него были плоские, сухие, заскорузлые, как прошлогодний пряник. Бывало, сядет за стол, расправит кафтан и ка-а-ак выдаст какую-нибудь историческую притчу с претензией на смешиночку. Да от таких шуток, точнее, от тоски зеленой и скуки смертной, скорее бы вся нечисть в Тёмном лесу передохла сама собой, без всяких богатырей! А Танька наша — сидит, глазами-плошками на него лупает и смеется. Заливается прямо, будто он скоморох лучший на Руси. Что она смешного находила в его речах — одной нечисти в болоте известно.

Вот что с девицами молодыми и разумными эта ваша любовь проклятая делает! Мозг начисто вымывает, оставляя один розовый туман. И ладно бы он на Таньке жениться решил — они бы идеально подошли друг другу: два зануды на одном троне. Так нет же! Батюшка рассудил иначе, да и сам Иван почему-то упрямо начал просить руки именно моей...

— Так, всё, Заряна, разговоры кончились, — Надя бесцеремонно прервала мои мысленные излияния, ухватив меня за руку чуть пониже локотника. — Микула, марш в палаты, царь тебя тоже дождался. А ты, егоза, шагом марш за мной. Сейчас мы из тебя обратно царевну делать будем, покуда у Ивана-царевича от ожидания усы не отвалились!

Я уныло поплелась за нянькой, мысленно прощаясь с лю-

бимым праздником Купалы и предвкушая самый невыносимый вечер в моей жизни.

Тетя Надя вела меня по переходам нашего высокого бревенчатого терема решительно, словно конвоир опасного бунтовщика. Привела в мою светлицу, с размаху усадила на резной дубовый стул перед большим зеркалом в серебряной оправе и громко, на все палаты, скомандовала заглянувшим служанкам:

— Так, девки, а ну-ка подсобите мне! Царевну отмыть надобно да в божеский вид привести, пока жених окончательно в пирогах не увяз!

Вокруг меня тут же завертелась, запорхала целая стайка девчонок. Понеслись тазы с теплой водой, зашелестели расшитые полотенца, в воздухе разлился сладкий, густой аромат лавандового мыла и отвара ромашки. Пока они сустились, смывая с меня пыль чистых полей и запах богатырского по-та, я лениво накручивала на палец длинный, шелковистый локон.

Я разглядывала свое отражение в зеркале, пытаюсь отыскать в нем хоть каплю той царственной стати, которую так ценил батюшка. Из серебряной глубины на меня смотрела девица с чистой, светлой кожей, по которой на переноси-

це и чуть на щеках рассыпались едва заметные золотистые веснушки — вечное напоминание о часах, проведенных на солнце пеке оружейного двора. Глаза большие, серые, но если присмотреться на свету — в них упрямо отливало льдистой синевой. Розовые губы обиженно сжаты, носик аккуратный, маленький, лицо худое, строгого овального кроя.

Я поежилась на месте, чувствуя себя жутко неудобно. Девки принялись бережно расчесывать мои тёмно-рыжие, отливающие медью волосы, что густой волной спускались до самой поясницы, и начали заплетать их в нарядную, свободную косу набок. Стоило им закончить, как я тут же, улучив момент, незаметно вытащила пальцами пару длинных прядок у самого лица, чтобы хоть немного сбить эту праздничную прилизанность.

— Тётъ Надь, — позвала я, косясь на няньку через зеркало. — А ты сама-то этого Ивана видела близко? Ну, сейчас, как он приехал?

— Видела, царевна, видела, — проворчала Надежда Васильевна, расправляя на моих плечах ворот нарядной рубахи. — Настоящий сокол. На кобыле белой, кафтан золотом шит, из себя весь такой чистенький, благородный.

— Вот и я видела... — грустно вздохнула я, подпирая

подбородок ладонью. — Ну и на что мне сдался такой суженый? Тьфу, прости господи. Он ведь меч-то боевой в руках не удержит — ручки отвалятся, сухожилия потянет. Он же меня на свадьбе, как положено по обычаю, через порог под-
нять не сможет — замертво рухнет под хохот дружины!

Я, конечно, подшучивала. Фигура у меня на самом деле была тонкая, ладная, куда худее, чем у старших сестер. Ростом батюшка меня тоже не обделил — девка я была высокая, статная, хоть Танька с Милой и уродились еще выше, из-за чего рядом с ними я всегда казалась пониже да поизящнее. На формы свои я тоже не жаловалась — все, что положено девке в моем возрасте, у меня имелось в лучшем виде, придраться не к чему. Но, знамо дело, от изнурительных тренировок Микулы Иваныча особо не растолстеешь, тело под кольчугой стало крепким, гибким, как молодая ивовая лоза. Куда там изнеженному царевичу меня тягать!

Тетя Надя вдруг резко замерла. Ее руки, поправлявшие мои волосы, опустились. Она тяжело вздохнула, огляделась по сторонам, проверяя, плотно ли прикрыта дверь в светлицу и не греют ли уши служанки. Наклонившись к самому моему уху, нянька заговорила тихим, леденящим шепотом, от которого у меня на затылке зашевелились мелкие волоски:

— Дурёшка ты, Зарянка... Глупая, упрямая девка. Ты ра-

дуйся, что за Ивана тебя сватают, пускай и скучного, пускай и белоручку. Уж лучше за него пойти, тихую жизнь прожить, детей нянчить, чем за...

Няня на секунду запнулась, испуганно скользнув взглядом в сторону темнеющего за окном леса, и договорила едва слышно:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.